

ПРОТОИЕРЕЙ ВСЕВОЛОД ЧАПЛИН

БОГ ИСТИНА КРИВДЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЦЕРКОВНОГО ДИПЛОМАТА

Всеволод Анатольевич Чаплин

Бог. Истина. Кривды.

Размышления

церковного дипломата

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43644435
Бог Истина Кривды Размышления церковного дипломата:
ISBN 978-5-6040783-3-4*

Аннотация

В новой книге протоиерея Всеволода Чаплина вопросы веры чередуются с анекдотами из жизни различных религиозных общин, политические прогнозы – с описанием экзотических блюд, которые автор отведал в своих многочисленных путешествиях, будни международных церковных саммитов и закулисная жизнь чиновников от религии – с зарисовками из быта далеких стран и народов, которые посетил автор.

В книге перед нами проходят чредой страны и народы, православные духовники и старцы, староверы и католики, протестанты и екуменисты. Читатель сможет пополнить свои знания не только о христианстве, но и о других религиях: исламе, иудаизме, буддизме. Автор смело рассказывает о неоязычестве и оккультизме, сектах, бизнес-культурах и атеизме.

Всегда и в каждом слове, о чем бы он ни писал, отец Всеволод отвечает на поставленный им же в начале книги вопрос: «Всели равно, как и во что верить?». И ответ его однозначен и прям: есть одна единственная истина, и она находится в Церкви Христовой. Без нудной дидактичности и фарисейской надменности, среди искренней беседы и искрометных шуток, автор открывает нам свою душу и дверь в Царствие Небесное. Ну уж а войдем ли мы в эту дверь – зависит от нас.

Содержание

Правда и кривды: «теология приспособленчества»	5
Духовное руководство – истинное и ложное	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Протоиерей Всеволод Чаплин Бог Истина Кривды Размышления церковного дипломата

Правда и кривды: «теология приспособленчества»

Все ли равно, как и во что верить? Этот вопрос сегодня обсуждают очень живо. Подчас даже горячо, эмоционально, жестко. Иногда приходит священник в светскую аудиторию или появляется в соцсетях – и тут же его с вызовом спрашивают:

– А почему ты решил, что твоя вера правильная? Я вот, наверное, мусульманин (буддист, язычник, сторонник «бога в душе», агностик или даже атеист) – но пусть ваша вера меня не отвергает, а ваш бог (если он есть) введет меня в рай!

Еще недавно, в 90-е годы, большинство людей таким вопросом не задавалось. Как только советский и ранний постсоветский человек начинал приходить к вере, его уже поджи-

дали мнения западных авторов и наших интеллигентов-«шестидесятников». Большинство их говорило: если Бог и существует, то все пути ведут к Нему, если ты хороший человек и у тебя наличествует некая «духовность».

Подобную позицию проповедовали сначала «продвинутые» советские писатели и публицисты, потом рериховцы и неотолстовцы, затем всякого рода полуверующие «совести нации». Вскоре дошло до популярных в постсоветском обществе магов, колдунов, «экстрасенсов», а потом и до значительной части сектантов. Верь во что хочешь – главное, слушай нас. С таким «подходом» долго соглашалось почти все «мыслящее» население России и других постсоветских стран.

Иногда подобным речам вторили седовласые или юные деятели в рясах – как же, мы не ретрограды, в любой вере есть крупица истины, каждому народу Творец дал свою веру, не будем узкими... Интеллигенция умильно кивала: вот какие они воспитанные, не то что черносотенцы начала века, Иоанны Кронштадтские какие-нибудь...

И в это время прозвучал робкий голос православных миссионеров – в частности, отца Андрея Кураева, одна из книжек которого называлась «Все ли равно, как верить»? Постсоветский социум, легко перепрыгнувший из атеизма в религиозную всеядность, вдруг услышал крайне неожиданную для себя вещь: настоящее, то есть православное, христианство, считает, что истина только одна. И истинная религия –

одна, а остальные ложные. К Богу ведут отнюдь не все пути – лишь единственный. Потому что Сам Христос сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через меня» (Ин. 14, 6).

Нравственное учение Христово – это не просто закон. Господь не желает добиться формального исполнения человеком пунктов морального кодекса. Он жаждет полного духовного перерождения человека, после которого самая мысль о грехе, самое желание греха были бы чужды и противоестественны освященному сердцу. И такое новое состояние человеческой души, по слову Христову, не может быть достигнуто привычными средствами нравственного улучшения души – будь то самосовершенствование, внешнее принуждение, руководство учителя, мистическая практика и так далее. Все эти средства могут быть полезны, но лишь тогда, когда они объединены вокруг главного средства нравственного обновления личности.

Это средство Господь неразрывно связал со Своими нравственными установлениями. Это средство – единственное, что может помочь человеку достичь высокого евангельского нравственного идеала. Это средство – основа христианской этики, основа ее жизненности, которой не смогли достичь все мертвые законы. Это средство делает христианскую нравственность уникальной и неповторимой, а следующих ей людей – достойными спасения и святости.

Это средство – благодать Божия.

Христианская нравственность невозможна без благодати. Именно поэтому Господь сказал Своим ученикам, ужаснувшимся высоте евангельской нравственности при беседе Христа с богатым юношей и спросившим Его, кто же может спастись: «... Человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19. 26). Благодать Божия, действие Божие как основа и средство нравственного обновления человека возможны, по вере христиан, только со Христом, только в Церкви Его, «ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин. 1. 17). Вне Церкви душа человека продолжает томиться в границах естественной нравственности, не будучи в силах достичь полного нравственного преобразования.¹

Многие люди, считающие, что почитают Бога, на самом деле поклоняются кому-то несуществующему (например, тому же «богу в душе»), а то и бесам. Потому что Бог – Таков и только Таков, Каким Он открыл Себя в Библии через истинную Церковь. Искаженные Его «версии» – это не истинный Бог.

Более того, и в рамках условного «христианства» вовсе не каждое учение правильно. Существуют ереси и секты. Они

¹ Из кандидатской работы «Проблема соотношения естественной и богооткровенной новозаветной этики в современной зарубежной инославной и нехристианской мысли», 1994 г.

не только уводят человека от Царства Небесного, но и выдают за Христа кого-то, кто разительно отличается от Сына Божия, описанного в Новом Завете и в Предании Церкви – то есть в решениях Соборов, творениях святых, текстах богослужения (а для православного христианина все это не меньший авторитет, чем Библия). То есть этот «кто-то» – не Христос.

После того, как все это было сказано, поднялся страшный вой. В чем только бедных миссионеров не обвиняли! Какими только чудовищами не представляли! Но их поддержал голос старцев, продолжавших еще дореволюционную традицию. А потом – голоса многих активных мирян. А затем – и целого ряда епископов.

В результате очень скоро миллионы людей поняли: настоящее учение о Боге не может не претендовать на уникальность истины. Это учение надо знать – иначе нельзя называться христианами. И вокруг этого учения могут идти непростые споры, в которых надо не просто проявить красноречие либо обнаружить объем знаний, а понять, что сказал и говорит людям Сам Бог. А значит, никуда не денешься от изучения и написания богословских текстов.

К началу «религиозного ренессанса» позднесоветских времен наша Церковь подошла интеллектуально ослабленной. Людей, способных писать на богословские темы, было от силы три-четыре десятка. Лишь некоторые из них были

допущены к преподаванию в духовных академиях и семинариях, к официальной церковной печати. Остальные считались неблагонадежными. Но и в «официальной», и в «диссидентской» среде выделялись две линии: одна была нацелена на компромиссы, на встраивание в «современность» и на всяческий «прогресс», другая – на верность православным традициям, на твердое следование тому, что написано в Библии, канонах, творениях святых.

Первая линия в «официальных» кругах была связана с Отделом внешних церковных сношений (ОВЦС) Московского Патриархата. Основные идеи этого направления заимствовались у либеральных философов начала XX века, «прогрессивных» богословов русской эмиграции, а иногда даже непосредственно у их учителей – теологов католического и протестантского мира. После кончины, обычно насильственной, почти всех преподавателей и большинства выпускников старой богословской школы к руководству церковными учреждениями приходили талантливые самородки, обычно не имевшие собственной интеллектуальной позиции. Таким, например, был знаменитый митрополит Никодим (Ротов), в 60-е и 70-е годы возглавлявший ОВЦС. Человек мощного ума и недюжинной энергии, он с энтузиазмом взялся за новое дело – восстановление контактов Русской Церкви с зарубежным миром.

Впрочем, для полноценной работы на Западе нужно было выступать с интеллектуально состоятельными речами, пред-

ставлять позицию по огромному кругу вопросов. Причем ожидалось, что тамошней публике – эмигрантской, западной или восточной, православной или католической, протестантской, иудейской или неверующей – российский представитель понравится. Именно это оценивалось церковными и светскими властями как один из главных показателей успеха в работе. И именно ради того, чтобы быть «принятыми» в кругах, жестко контролируемых западными элитами, было де-факто решено выработать приемлемую для них – но одновременно и для хрущевско-брежневских советских властей – богословскую позицию. А также забыть опыт 1948 года, когда – при Сталине – в Москве было собрано совещание Православных Церквей мира, которое фактически выдвинуло претензию на создание именно в России нового центра христианского мира. Без оглядки на Ватикан или кого-либо еще. При Хрущеве с параллельными центрами решили дружить – а в реальности стали заискивать перед ними, подстраивая под них русскую богословскую мысль.

Кому-то мои слова могут не понравиться, но я убежден, что настало время преодолеть «парижское пленение» русского богословия. <...>В православной традиции всегда в равной степени почитались разные тексты: от крупных научных богословских трактатов до кратких слов, которые произносили юродивые. Между этими двумя полюсами много другого – соборные определения, литургические тек-

сты, пастырская проповедь, полемика с иноверцами и безбожниками, апологетика, наставления и письма известных духовников, изречения старцев. Все эти явления христианской мысли, безотносительно к их форме, в истории Церкви многожды отражали Божественное откровение. И если мы посмотрим на все это многообразие христианского послания в русской традиции, то мы увидим, что очень часто именно она стремилась быть максимально близкой к Писанию, к откровению Самого Бога, даже если это откровение кому-то в те или иные моменты казалось неудобным, неполиткорректным, слишком острым для успокоенной совести обывателя.

Впрочем, мира в отношениях с теми, кому чужд, неприятен или ненавистен дух благой вести Христа, Бог нам и не обещал. И значит, нужно об истине свидетельствовать, даже если это кому-то очень не нравится и этот кто-то, иногда по прямому наущению врага рода человеческого, побуждает нас молчать или говорить только приятные внешним людям вещи. <...>

Сегодня очень нужны православные интеллектуалы, способные мыслить независимо и одновременно хранить верность традициям тех народов, которые крепко связаны с евангельской вестью. Нужны люди, способные критически оценить некоторые штампы XX века и помнить о том, что наша главная и единственная лояльность — это лояльность Христу. Да, немаловажно, что о нас скажут люди, но не

зря же сказано в Писании: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо, ибо так поступали с лжепророками отцы их» (Лк. 6, 26). По крайней мере, это очень плохо, когда речь идет о вопросах, которые касаются Божией правды и человеческих неправд. Нам нужно угождать не миру, но Богу и главное для нас – не что скажут люди, а что скажет Господь, увидев нас на Страшном Суде.²

Понятно, что иерархам-самородкам требовались знающие и более опытные советники. Таковыми, как часто бывает в России, оказались люди с либеральными убеждениями – а иногда с опытом жизни вне СССР. Тексты митрополита Никодима и многие озвученные им идеи формулировали эмигрантский политик, репатриант Александр Казем-бек (впрочем, этот человек в некоторых вопросах критиковал западный либерализм), а также прошедший юность и получивший образование в «буржуазной» Польше протопресвитер Виталий Боровой. Несколько особняком стояли два других спичрайтера – Алексей Бувеский и Николай Заболотский, сторонники сближения христианства с коммунистической идеей. Первого из них я хорошо знал – он был, конечно, верующим человеком, но пафос «миротворчества» и «гуманизма» в советском варианте почти полностью изжил в нем традиционные для Православия общественные взгляды. Второй скорее был тайным западником – и на старости лет

² Из статьи в газете «Русь державная», декабрь 2013 г.

переехал в Швейцарию.

От этих людей и митрополит Никодим, и два его преемника на посту главы ОВЦС – митрополиты Ювеналий (Поярков) и Филарет (Вахромеев) – интеллектуально зависели довольно сильно. Существовало и прямое влияние западных философов и теологов, в том числе принадлежавших к русской эмиграции. Встречаясь с этими людьми, наши иерархи подчас некритически воспринимали ими сказанное. Митрополит Никодим и вовсе был очарован Ватиканом – на фоне подсоветской ослабленности Русского Православия эта структура, с ее великолепными храмами, известными профессорами и епископами, университетами, издательствами, прессой, – казалась непререкаемым образцом для подражания.

В итоге лидирующая группа иерархов, богословов, составителей официальных церковных документов «проглотила» наживку в виде идей, весьма далеких от главного направления православной мысли XIX и предшествующих веков. Стало обычным делом говорить о том, что к Богу могут вести разные религии. Ради призывов к «миру» было подзабыто учение о том, что христианская вера может утверждаться силой государства, а защита ее с оружием в руках – как и защита Отечества, народа, ближних, – является священным долгом ученика Христова (о защите Родины, правда, много говорили в связи с опытом Великой Отечественной войны). Общепринятой тенденцией стал «экуменизм» – стремление

сблизить разные, условно говоря, «христианские» сообщества, причем без явного и четкого заявления о том, что истина содержится только в Православии, а объединение может быть только на этой основе (настоящий православный человек иначе говорить и думать не может).

Появился феномен, который я назвал «сотериологическим агностицизмом». Сотериология – то есть учение о спасении – в истинном христианстве очень ясная. Сам Господь Иисус сказал, что «верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия» (Ин. 3, 18). Иоанн Креститель говорит о Нем: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин. 3, 36). В общем, для непредвзятого человека совершенно ясно: настоящее христианство не может не утверждать, что только последователи Христа войдут в Его Небесное Царство. Я не рискнул бы сказать, что туда попадут только православные и не войдут, например, некоторые католики или армяне – особенно те из них, кто на деле не исповедовал никаких ложных учений и не предавался сомнительным духовным практикам вроде католического самобичевания либо представления женщинами Христа как брачного партнера. Многие считают, что инаковерующим и неверующим Господь воздаст за добрые дела – и не каждый из них окажется в месте вечных мучений. Но в Царстве Христовом этих людей нет и не будет – иначе напрасными следует при-

знать и распятие Христа, и Его учение, и Его Церковь. Он и только Он – безгрешный Богочеловек – мог искупить грех Адамова падения и все последующие грехи людей. Сами люди сделать этого не могли точно так же, как тонущий не может вытащить себя из болота, – у них не было на это власти. Однако Господь открыл нам, что признание Его искупительной жертвы и живая связь с Ним в Церкви делают возможным прощение грехов и вечное спасение. Вот его слова, сказанные апостолам и всем их преемникам – пастырям: «Примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20, 23).

Вместо этого некоторые стали говорить, что мы якобы не знаем, кто спасется, а кто нет. Так, в одной из книг Патриарха Кирилла приводятся его слова, сказанные, как помнится, еще в бытность митрополитом: «Мы не знаем и не можем сказать, приводят ли другие религии человека к Богу или нет, ибо от нас это сокрыто и об этом будет судить Сам Бог». Более того, тот же Патриарх сказал, причем значительно позднее: «Когда нам говорят, что религии разделяют людей, мы говорим, что это ложь. Религия может отделять одного человека от другого тогда, когда этот человек далек от Бога, когда он не молится, не разговаривает с Богом, не чувствует Бога». Проблема – лишь в том, что некоторые религиозные учения не ведут к Богу, а уводят от Него, а то и прямо устремляются к сатане. И не случайно Христос говорит: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее,

и невестку со свекровью ее» (Мф. 10, 35). Истина нередко объединяет, но еще чаще разделяет!

Профессор Алексей Осипов в своих рассуждениях идет гораздо дальше Патриарха: «Когда мы говорим о конфессиях, о других церквях или религиях – мы должны разбирать и знать, что в них есть доброе, а в чем – явные заблуждения. Но как только дело касается конкретного человека и, например, вы у меня спросите: «Вот этот шаман – спасется или нет?» – я беру пудовый замок и вешаю себе на рот. Не знаю, кто прежде спасется. <...> Когда меня спрашивают: «Буддизм – истина?» – я отвечаю: «Ложь!» Индуизм? Ложь! А вот этот буддист? Рот – на замок! Не знаю, кто спасется прежде: я, так называемый православный, или он – язычник»? Наконец, украинский иерарх советского периода митрополит Николай (Юрик) утверждал: *«Ни одним словом не спросит Небесный Судия человека, к какой вере, к какой церкви или конфессии принадлежал».*

Увы, приведенные чуть выше слова Евангелия говорят о неверующих во Христа совсем иначе. Однако в 70-е и 80-е годы, равно как и в начале 90-х, утверждение о том, что совершенство истины – лишь в Православии, почти исчезло со страниц официальных церковных журналов и «богословских» текстов.

Да, опасность «постправославия» и теплохладной «веры с человеческим лицом», носители которой хотели бы

всем нравиться и ни с кем не ссориться, существует. Наверное, для Православия сегодня это один из главных вызовов. Истоки этой тенденции можно видеть уже в тех богословских штампах, которые мы начали принимать у католических и протестантских мыслителей середины прошлого века. Штампы, пришедшие в православное богословие через эмигрантские круги. Многие из этих штампов стали частью нашего богословского мышления. Я сам от них лишь постепенно пытаюсь избавляться. Вот хотя бы такие утверждения: «Мы не знаем, войдут ли в Царство Христово нехристиане и неверующие»; «Мы должны искать христианские корни в гуманизме»; «Бог один, но путей к нему много»; «Христианская государственность – это Константинов грех», и так далее. От этих штампов нам нужно освободиться, если мы не хотим идти путем «постправославия», которое вроде бы обещает некие миссионерские успехи, но которое по большому счету бесплодно. Если вопрос об истине не имеет отношения к спасению, значит, и проповедь наша бессмысленна. Попытка слиться с окружающим мировоззренческим ландшафтом никогда не привлечет людей, по-настоящему ищущих истину. А на вопрошания этих людей мы сегодня не имеем права не дать ответ.³

Главными общественно значимыми темами стали «экуменизм» и «миротворчество». Попадалось и прямое одобре-

³ Из интервью журналу «Россия завтра», июль 2015 г.

ние коммунистической идеологии – в формулировках, которых не требовала даже советская власть. Заболотский в 1977 году писал: «При встрече с революцией в Церкви обнаружился существенный недостаток: она не была в состоянии стряхнуть с себя наследие векового, навязанного ей монархического ига. <...> Постепенно под влиянием новых норм жизни происходило формирование нового общественно-христианского сознания, которое способно синтезировать глубокую православную веру, преданность традициям с социалистическим образом мышления, с сознательным и ответственным служением в Церкви, обществе и государстве». «Богословие приспособленчества» достигает здесь одной из вершин – а лучше сказать, одной из нижайших точек падения. Впрочем, слова Заболотского не сильно отличаются от западной риторики, пытавшейся соединить христианство с «демократией, правами человека, толерантностью» и прочими идолами нынешнего политического мышления, воздвигнутыми как раз в борьбе с Церковью и с христианской государственностью.

Приспособленческая риторика увязывается с идеей земного «прогресса», совершенно чуждой христианскому сознанию. Вспомним, что история, по новозаветному учению, кончится торжеством зла, а затем – Божественным вмешательством, Армагеддоном и победой Христа. До этого технические достижения и «мир», достигнутый ценой отречения от Бога, станут лишь средствами невиданного порабо-

щения и нравственного падения подавляющего большинства людей. Никакого «прогресса» в этом смысле, с точки зрения христианина, не может быть и не будет.

Это прекрасно понимало большинство православных богословов многих веков. И в России, где Церковь оказалась под гнетом советской идеологии и в плену приспособленчества к ней, многие это понимали по-прежнему ясно. Так, круг митрополита Питирима (Нечаева), долго возглавлявшего Издательский отдел Московского Патриархата, отдавая дань официальному «миротворчеству» и «экуменизму», все же старался хранить верность более ранней русской богословской традиции. Как только ослабло давление советского режима, в церковных изданиях стали появляться творения «черносотенца» Иоанна Кронштадтского, рассказы о чудесах XX столетия, о недавних страдальцах за веру, многие из которых были монархистами и жесткими приверженцами учения о Православии как о единственной, безальтернативной истине. Не склонной к «прогрессизму» была и Московская духовная академия, крепко связанная с чуждой подобным веяниям Троице-Сергиевой лаврой.

Кроме богословских и идейных споров, лежавших «на поверхности», в мире «официальных» лекций, речей, статей и докладов, существовала и неформальная среда – духовники, диссиденты, старцы, проповедники, авторы самиздата. Здесь, конечно, были свои экуменисты и прогрессисты. Протоиерей Александр Мень и священник Георгий Кочет-

ков практически признавали наличие настоящего христианства вне Православной Церкви – у католиков и отчасти у протестантов. Священник Сергей Желудков не принимал многое в Евангелии, зато оправдывал материализм – недаром диссиденты-атеисты чувствовали свою близость к нему, ведя очные и заочные дискуссии с «прогрессивным» клириком. *«Приспособляемость, – прямо утверждал он, – есть свойство живого организма. Церковь приспособляется: значит, она живет».*

Однако консервативная сторона была представлена гораздо большим количеством ярких личностей – пусть не все из них были широко известны, в первую очередь потому, что их не «раскручивал» через радиоголоса и «тамиздат» Запад, понимавший чуждость этих людей своим доктринам и планам. Хорошее паблисити получил только священник Димитрий Дудко – но и от него в Европе и Америке быстро отвернулись, формально из-за частичного примирения с советской властью в 1980 году, а на деле из-за его монархических и русофильских симпатий, а затем и из-за осуждения им либеральных реформ постперестройки.

Гораздо меньше были известны, например, Виктор Аксючиц – редактор самиздатского журнала «Выбор», сторонник православного традиционализма, или Владимир Осипов – честнейший диссидент, прошедший 15 лет в тюрьмах и лагерях и никогда не шедший на сотрудничество с КГБ или тюремной администрацией. Этот человек обличал Запад не

меньше, чем советскую власть. Он принципиально не принимал и сегодня не приемлет «экуменизм», настаивает на том, что вне Православия нет ни истины, ни вечной жизни, ни настоящего смысла бытия. Модернистские тенденции критиковали и всероссийски известные старцы – архимандриты Иоанн (Крестьянкин), Зосима (Сокур), Адриан (Кирсанов), Наум (Байбородин), Петр (Кучер), протоиерей Николай Гурьянов. Их тексты почти не публиковались в церковной печати, но их слово, разносившееся через народную молву, по значимости было несопоставимо с речами теологов-приспособленцев. В отличие от пространных и хотя бы потому неубедительных рассуждений модернистов, старцы говорили просто и сильно. Отец Иоанн (Крестьянкин) на вопрос об экуменизме отвечал так: «Ни-ни! Сохрани Господь и помилуй!» А насчет сектантов он писал: «Не обольщайтесь: все прекрасно, кроме спасения души, да и так ли прекрасно»? А вот слова отца Петра (Кучера): «Богоматерь говорила, что католики должны покаяться и вернуться в лоно Истинной Церкви, принять Православие и только таким образом соединиться с нами. Разве золото смешивают с чугуном и ржавой сталью или бросают в металлолом? Зачем же нам бросать свое золото – Православную веру – в эту экуменистическую кучу металлолома»? Происходил и глубокий анализ «теологии приспособленчества». В 1971 году священник Николай Гайнов и диссиденты Феликс Карелин, Лев Регельсон, Виктор Капитанчук обратились к церковному Собору

с весьма аргументированной критикой экуменизма и модернизма – но никакого внятного ответа, увы, не получили.

Собственно, его и быть не может. И Писание, и Предание говорят о том, что истина – только во Христе. При этом непрерывная традиция Церкви, восходящая ко Господу Иисусу и апостолам, постепенно отсекала взгляды и практики, к настоящему христианству отношения не имеющие – например, пацифизм, игнорирующий тот факт, что в мире, где природа человека поражена грехом, войны и преступления неизбежны, а значит, ближние, отечество, да и вера нередко нуждаются в вооруженной защите. Отвергнуто было также учение о том, что разные пути равно ведут к одному Богу. Не приняла христианская традиция и молитвенных практик, основанных на чувственной экзальтации, а иногда даже на полуэротических переживаниях – но это, увы, присутствует во многих неправославных общинах на Западе.

Удивительно, что некоторые люди здесь, а также на православных сайтах для интеллигентствующих домохозяек пытаются оправдать не чем-нибудь, а как бы христианством... свои представления о якобы высшей ценности земной жизни, да еще и приверженность земному комфорту, налаженному обывательскому быту и так далее. Перечитали бы Евангелие... Вспомнили бы, что оно совершенно противоположно обывательщине и стремлению «пожить в этом мире» и считать, что с вечным спасением уж как-ни-

будь само собой все получится. <...>

Христос заповедует оставить ради Него даже самые «важные» земные привязанности – что уж говорить о «святых гнездышках» и прочих «святынях» людей, которые тщатся угодить и Богу, и миру... И вот уважаемые оппоненты напрягаются, беснуются, кричат, обвиняя в «мракобесии» и чуть ли не в отступлении от Евангелия настоящее христианство, столь далекое от «простых человеческих радостей». Божие посещение в виде войны, болезни, смерти близких для этих людей – «ужас-ужас-ужас». Монашество – враг, монастыри – концлагеря или сумасшедшие дома. Странничество и крестные ходы – фанатизм. Потеря жизни ради веры, битва за нее – вообще нечто непонятное.

Да, не каждый готов бросить все и, как апостолы, отказаться от семьи, от обывательского мирка и от коллаборации с грешным миром. Но такие «не готовые» по крайней мере должны понимать, что живут не вполне по-евангельски, а не требовать, чтобы христианство признало их образ жизни «нормативным», а отступление от него – безумием... Ничего, Господь вразумит, и очень решительно, если сами не поймут ничего... А пока мы будем аккуратно им объяснять, в чем они неправы. И почему Зоя Космодемьянская поступила совершенно по-христиански, пойдя буквально по первому зову жечь дома, где предатели кормили-поили захватчиков. Именно об этих «комфортных христианах» сказано: «Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что

*дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак. 4, 4).*⁴

Православные люди не должны относиться с ненавистью или с обидой к носителям перечисленных взглядов. Мы можем помогать друг другу в добрых делах, вести диалог. Но в ходе этого диалога мы призваны сказать, пусть мягко и вежливо: вы заблуждаетесь. Никто не войдет в Царство Божие, не веруя во Христа. А ересь – то есть неверное представление о Христе некоторых людей, декларирующих веру в Него, – заканчивается обращением молитвы не к Нему, а к кому-то придуманному или даже к сатане. Твердо знаю: именно к вечному врагу обращаются некоторые западные «мистики», чьи видения, чудеса и тексты полны откровенной черноты или обманчивой чувственной сладостности, «душевности». Православие же настаивает на духовном трезвении: молитва не должна смешиваться со взвинченностью чувств, использовать нечистоту душевных стихий грешного человека. Глубокие и бесстрастные слова молитв, написанных древними святыми, воспитывают наши души в смирennemудром обращении к Вечному Богу. Истины веры, заложенные в этих текстах, воспитывают и ум, правильно выстраивая в нем отношение к Богу, мирозданию, людям – и предлагая верные образы их восприятия.

⁴ Пост в «Фейсбуке», ноябрь 2016 г.

Как сильно это отличается от чувственных до истерики и до духовного блуда «молитв» некоторых неправославных «христианских» сообществ! Или от поспешных, не проверенных многовековыми размышлениями и обсуждениями, взглядов на Бога и Церковь! Или от молитвы обывателя, который не хочет от Бога ничего, кроме здоровья, душевного спокойствия, материальных благ и всего прочего, что согревает грешную душу на земле, но оказывается для вечности бессмысленным – а потому вообще безумным!

«Безумный!» – именно так Христос описывает человека, который достиг самоуспокоения в богатстве и стабильности. «Скажу душе моей, – говорит этот человек, – душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись». Но Господь грозно предупреждает его: «В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12, 19-20). Вот почему молитва, богомыслие, богословие должны ориентироваться прежде всего на вечность, а не на земное обустройство, не на старые или новые мирские влияния, моды, учения.

Почему же появилось пацифистско-либеральное «официальное» богословие? Формальные причины вроде бы описаны – но есть еще три, которые вроде бы не лежат на поверхности, но видятся мне главными. Первая – это опять же элементарное приспособленчество, на этот раз не советское, а западное. Католические и протестантские теологи XX века

сдались на милость победителей – тех тайных обществ, заговорщических групп, революционно-террористических банд, которые свергли в Западной Европе большинство христианских монархий, сформировали новый тип власти и при помощи кровавых репрессий приучили христианские общины «не высовываться» – причем самые жесткие методы применялись сначала на буржуазном Западе (особенно во Франции), и лишь потом в большевицкой России.

А дальше, как и во многих подобных случаях, начал действовать идеологический «стокгольмский синдром». Теологи, епископы, профессора, знаменитые пасторы начали оправдывать управляемую узкими элитами «демократию», веками осуждавшееся Церковью ростовщичество, светскость государства, культ человеческого разума и науки, любые новшества вплоть до революций, а иногда даже прямое безбожие и гонения на веру. Параллельно осуждались «религиозный фундаментализм», симфония Церкви и власти, применение силы для защиты веры и народа, «ретроградность», традиционная для христианства регламентация «личной жизни» (будто бы она должна не совпадать с церковной и публичной), да и вообще любое смелое высказывание, совпадающее с духом Евангелия, но не нравящееся «современному человеку».

И вот тут открывается второй исток «сверхнового богословия». Его создатели и приверженцы боятся противоречить тем, кто оправдывает грех, – а иногда и сами оправды-

вают его. Именно этого сегодня требуют «сильные мира сего», поддерживаемые послушными деятелями науки, культуры и информации, а также частью управляемой глобальной «толпы» – слоев, настроения которых обычно выдаются теперь за «общественное мнение». Им очень не хочется, чтобы Церковь спорила – даже в личном общении, а уж тем более в публичном пространстве – с теми, кто привык к супружеским изменам, «свободной любви», абортам, воровству, взяточничеству, несправедливо нажитому богатству, наркотикам, развязному внешнему виду, бытовому хамству и всему прочему, без чего многие просто не представляют своей жизни.

Я уже не раз приводил рассказ знакомого епископа. Бизнесмен, с которым они летели одним рейсом, сказал ему фразу, которая звучит абсурдно, но говорит о главном:

– Если введут религию в школах, жить-то как?

Смысл этого высказывания почти невербален, но все-таки уловим. Человек до ужаса боится, что сын или дочь придут из школы и скажут: папа, а ты ведь неправильно живешь! От мамы ушел к тете Анжеле, друзей старых предал, да и рассказывают, что взятки берешь...

Многие очень не хотели бы услышать такое и от детей (хотя от них услышать будет особенно больно), и вообще от кого бы то ни было. Потому и культивируют в себе и вокруг себя «антицерковные» настроения. Или уповают на несуществующего «бога в душе», который все одобрит и простит –

без покаяния и исправления. Либо меняют без конца духовников, конфессии, религии, «духовные» практики. Либо – и вот тут внимание – начинают добиваться того, чтобы «христианские» авторитеты одобрили их поведение, согласились с ним или по крайней мере не критиковали его.

Я склонен различать справедливую критику, связанную с неудачными высказываниями, с какими-то фактическими неточностями, с вещами, которые могут показаться кому-то лично обидными, – и попытку просто заставить (не только меня, но и любых священнослужителей) не говорить людям неудобную правду. Вот последнего я никогда не боялся и не боюсь. Бояться я устал еще лет 25 назад...

Сейчас очень важно повторить людям, и повторить очень ясно и громко, то, что мы знаем из Евангелия. Что человек обязан следовать очень высокому нравственному идеалу. Что он призван исповедовать истинную веру, без которой ты не с Богом говоришь, а с тем, кого нет, или с тем, кто Богом не является, вплоть до злой силы. Что вхождение в вечную жизнь неотделимо от следования нравственному идеалу и от истинной веры. Так говорит Евангелие, так говорит Господь.

Слышать об этом очень многим людям крайне неприятно – они слишком привыкли к своим грехам и заблуждениям, чтобы смириться с мыслью о том, что от всего этого необходимо совершенно отказаться – иначе ад и в этой жизни, и

в будущей. Естественно, эти люди восстают и ополчаются. Естественно, иногда слышишь из их уст не аргументы, не попытку честно поспорить, а какие-то квазивербальные всплески... Что ж, так было в христианской истории всегда. Так, в конце концов, реагировали и на Христа и апостолов.⁵

Для того, чтобы «подстроить» христианство под греховный образ жизни, оправдываемый свободой, применяются все средства дрессировки. На Церковь и ее служителей нападают в СМИ, выискивая действительные и мнимые грехи. Требуют быть «ближе к современности», десятилетиями мусоля одни и те же темы – якобы непонятный богослужебный язык (английский люди учат легко, а вот церковнославянский почему-то ленься), отсутствие скамеек в храмах (при этом на рок-концертах и уличных шоу некоторые стоят по три часа, а в храме почему-то сразу устают), юлианский календарь (вместо поспешно разработанного григорианского «нового стиля», принятого на Западе). И те церковные деятели, которые поддакивают полуверующим или неверующим «прогрессистам», на время получают от них поддержку – пока не будет приоткрыто очередное окно Овертона и от священников не начнут требовать одобрения чего-то более «продвинутого», например, однополых «браков» или полного отказа от претензий религии на истину. Тех же, кто по

⁵ Из интервью агентству «РИА Новости», апрель 2013 г.

очередной «новой» теме займет консервативную позицию, будут шельмовать – даже если вчера их хвалили за либеральные взгляды по другой, уже «отработанной» теме.

В общем, используются и хлыст-шамберьер, и кусочки сахара. И некоторые соглашаются быть цирковыми животными – лишь бы добиться славы, сохранить спокойную жизнь или чувствовать себя людьми, уважаемыми в «приличном обществе». То есть прыгать через обруч в правильном направлении или плясать на арене под правильные ритмы.

Здесь кроется третий исток «богословского» приспособленчества. Стремление понравиться, устроиться, получить похвалу очень заметно во многих примерах «теологии приспособления» – и в поведении ее глашатаев. Они слишком привержены тому, чтобы комфортно пожить на земле, и мышление свое ориентируют именно на это. Однако Новый Завет выстраивает совсем другую систему приоритетов – и значит, задает другой образ жизни. Апостол Иоанн, любимый ученик Иисуса, пишет: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1 Ин. 2, 15). Обывательщина совершенно противоположна христианству. Если она и допустима в церковной общине, то лишь как отклонение от нормы – отклонение досадное и достойное покаяния. Напомню слова Христа: «Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19, 29); «Если кто прихо-

дит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26). Богочеловек оспаривает даже самые, казалось бы, священные земные привязанности. Когда ученик желает похоронить отца, Христос говорит ему: «Иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф. 8, 22). С точки зрения настоящего христианина, всерьез воспринимающего Иисуса и Евангелие, перевернутой и абсурдной является логика человека, заботящегося более о земном, чем о небесном. Господь предупреждает: «Не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? <...> Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 31,33). Марфе, занятой по хозяйству, он ставит в пример Марию, говоря: «Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно» (Лк. 10, 41-42). А в известной притче Господь рассказывает о купце, который, «найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Мф. 13, 46).

Эта единственная жемчужина, ради которой не только можно, но и необходимо «продать» все богатства, пристрастия и привязанности, – рай Христов. Он – не «плюралистическая демократия», а Царство, где существует лишь одна Истина. Не случайно христиане всегда стремились устроить земную жизнь по образу этого Царства – с одним богоданным правителем, с единой системой ценностей, в стремле-

нии к единомыслию. В желании не «прогресса» меняющихся взглядов, мод и социальных укладов, а соблюдения вечной правды, данной неизменным Богом.

Никакое богатство, никакое здоровье, никакое физическое благополучие, никакой душевный комфорт – не могут иметь настоящего смысла, потому что не продолжают в вечности. А вечность открыта нам Христом и только Христом. Грешный человек не мог спасти себя от греха, как не может утопающий вытащить себя из пучины. Но и жить дальше во грехе невозможно, потому что грех всегда рождает смерть и не наследует вечность. И значит, несмотря на наши грехи, несмотря на наши несовершенства, на всю нашу слабость, Небо открыто нам именно Христовым Воскресением спасительным.

И вот тогда, когда Господь открыл нам Небо, сделал для нас возможным – не по нашим заслугам, а Своей силой – достичь вечную блаженную жизнь, тогда и только тогда приобрели смысл наше земное бытие и все, что происходит в мире, если только это что-то нацелено на помощь людям в достижении жизни вечной. Не могло и не может быть смысла жизни без Воскресения Христова, без Пасхи.

И одновременно ныне, когда мы имеем перед собой Христов путь, когда Христос пострадал, умер и воскрес, и нас за Собою из ада наших согрешений возводит в Небо – именно поэтому не может быть бессмысленной жизнь. Не может

*быть ни одиночества, ни отчаяния, ни уныния, ни всех тех многих душевных недугов, которыми так страдает, часто безысходно, современный человек. Все это отлетает, как случайная тень, от человека, который знает, ради чего мы живем и какое благо нам Христос дал Своим страданием и Своим Воскресением.*⁶

Врата в Царство Небесное – только одни. Они есть Сам Господь Иисус, открываемый только в Писании и Предании, только в истинной Церкви – и более нигде. Об этом и призвано сегодня говорить богословие – призвано даже кричать, на всех площадях и перекрестках, реальных и виртуальных, днем и ночью, вежливо и невежливо. Иначе оно станет иудиним. Служащим вечному врагу. Дрессированной обезьяной антихриста. «Достойнейшим» адресатом слов Христа из Апокалипсиса: «О, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 15-16).



⁶ Из проповеди на Пасху 2015 г.

Духовное руководство

– истинное и ложное

Пастырское наставничество – очень распространенная в Православии практика. Кто-то даже скажет: обязательная. Кто-то и добавит: нельзя спастись без духовника – священника, который тебя постоянно исповедует и окормляет (то есть руководит тобой, как кормчий кораблем). Однако так в православной среде думали не везде и не всегда. Во многих странах, в том числе в России, православные люди подчас исповедуются почти случайным священникам – или тем, кто служит в ближайшем приходе. У некоторых просто нет возможности ездить к какому-то особому «духовнику». Неписаная «обязанность» мирянина иметь духовника вообще является в Церкви новшеством, возникшим никак не раньше XIX века, а по преимуществу – несколько десятилетий назад.

Многие христиане, в том числе священники и епископы, особого духовного наставника не имеют – и это не делает их хуже. В конце концов, в Новом Завете мы не встречаем требования крепкой связи христианина с каким-либо земным учителем. Наоборот, апостол Павел пишет: «Когда один говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы? Кто Павел? кто Аполлос? Они только служители, через которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал

Господь. Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий» (1 Кор. 3, 4-7). В аскетической литературе, впрочем, много говорится о связи наставника и ученика в монашеских общинах. Но и эта связь не должна заслонять собой общение с Богом.

Для многих постоянный духовник, конечно, полезен. Не всякий человек готов, желает и способен поступать всегда и во всем самостоятельно. Многие, особенно «новоначальные» христиане, подчас просто не знают, что греховно, а что нет, и как надлежит справляться с самыми, казалось бы, простыми пороками и духовными проблемами. Многие не ведают, как приложить христианство к той или иной жизненной ситуации. Но не случайно Церковь, поначалу назидая человека в самых простых вещах, затем все-таки стремится научить его действовать самостоятельно.

«Прилоги» – безумные, хульные, греховные мысли, внезапные и вроде бы беспричинные – посещали даже святых. Об этом много сказано в аскетической литературе. Враг рода человеческого не дремлет, обстреливая нас даже из глубин испорченной грехом души. Но совершенно неправильно отчаиваться, с этими «прилогами» сталкиваясь. Сколько раз приходилось слышать на исповеди: «Я знаю, меня Бог проклял, мне в церкви нечего делать»! Вот именно к такому настроению нас и подводят нечистые духи, посылая все эти

*дурные помыслы, ложные видения, греховные сны. Они – не повод для уныния. Наоборот, пусть они подвигают нас к покаянию, к молитве, к борьбе с грехом! И – к вере в помощь Божию, которая сильнее любых бесовских наваждений.*⁷

Прекрасно, что по указанию Патриарха с недавнего времени перед крещением, а также перед венчанием требуется хотя бы минимальная катехизация – знакомство с истинами веры, с основными правилами христианской духовной жизни. Требуется и исповедь перед венчанием или откровенная пастырская беседа перед крещением (исповедь для некрещеного невозможна). Увы, многие пытаются от этого требования убежать – иногда даже не понимая, почему и зачем. С этим сталкиваешься постоянно – не столько в храме, сколько общаясь с людьми «в миру».

Как-то я получил... жалобу на духовенство одного из родов. Люди возмущались тем, что раньше крестили «без проблем», а теперь устраивают какие-то беседы с крестящимися взрослыми, с родителями и крестными детей... Авторы доноса предлагали наказать священников за «провоочки». Как же, ритуальное обслуживание должно быть быстрым и без проблем! Про то, что крещение – это не магический обряд, что взрослых крестят по личной вере, а детей – по вере крестных и родителей, люди просто не знали. И «качали права», вспоминая, как кого-то в былые годы крестили за сорок

⁷ Из книги «Лоскутки-2», 2009 г.

минут и безо всяких «формальностей».

Оказываясь в разных бытовых ситуациях – в ремонтной мастерской, жилищной управляющей компании, полиции – я долго получал просьбы «покрестить ребенка без лишних разговоров». Однажды для такой просьбы собрался целый коллектив некоего уважаемого учреждения. Дескать, времени у нас нет на беседы ходить... Почти всех уговорил все-таки катехизацию пройти. И потом люди благодарили! Впрочем, увы, есть храмы, где крестят «по-быстрому», причем за дополнительную плату. И тут уже грешит священник.

Христианин, хорошо наученный вере сразу после прихода в Церковь, вряд ли пойдет по пути мелочной зависимости от еженедельных, а то и ежедневных наставлений духовника, боясь сделать шаг «без благословения». Однако многие такой зависимости сами ищут. Чаще всего это женщины, но попадаются и «маменькины сынки», и духовные инфантилы. Обменять или не обменять квартиру, поступить в один или другой институт, выбрать жениха или невесту, устроиться на ту или иную работу – все это для некоторых немислимо сделать без «благословения». Иногда его домогаются даже по мелким бытовым вопросам.

Увы, есть немало священников, которые такую «традицию» приемлют, поддерживают и даже насаждают, превращая жизнь мирянина в пародию на отношения послушника и старца в монастыре. «Проявила своеволие, не взяла благо-

словения – вот и расплачивайся!»! Такие слова можно услышать от многих духовников в ответ на рассказ о житейских невзгодах. Только нужно ли христианину во всем полагаться на священника, одновременно словно бы снимая с себя любую ответственность? А пастырю – обречь мирянина или мирянку на зависимость от себя, подменяющую отношения с Богом?

Конечно, многим пасомым и священникам так удобнее. Первым – именно от непривычки к ответственности, к воспитанию ума и души, к самостоятельному разговору с Богом, с членами семьи, с коллегами по работе, вообще с окружающими людьми. А священнослужители иногда пользуются зависимыми от них «духовными чадами», упиваются властью над ними. Беда только в том, что для всех сторон этого духовного блуда он обычно кончается плохо.

Знал одного священника-монаха с чистой душой, пользовавшегося искренней любовью многих людей. Служил он в разных местах, в монастырях и на приходах, и в конце концов оказался в многолюдном храме спального района Москвы. Там «популярности» сразу стало хоть отбавляй – и свободы тоже, по сравнению с монашеской обителью. Очень скоро батюшка практически перестал во время службы заходить в алтарь – только исповедовал. Окружали его в основном женщины среднего и старшего возраста.

– Ты иди сюда, каяться будешь! А ты иди сразу причащайся! А ты... ой, что у тебя за спиной-то! На колени, плачь, мо-

лись! – такие реплики вызывали у них то священный ужас, то умиление.

«Старчество» быстро увлекло священника. Тетушки стали делать ему дорогие подарки, одна передала квартиру. Появилась вера в свою «харизму». Игумен забросил службу, начал исповедовать по квартирам, потом ушел в раскол, объявил себя «митрополитом», а затем... женился на одной из почитательниц. И вскоре умер по непонятной причине. В общем, сорвался в штопор.

Бывает и по-другому. Служит монах долгие годы в монастыре, седеет его борода, по его молитвам исцелится пара-тройка людей (а такое бывает почти у каждого священника), и пойдет слава о «чудотворце и прозорливце». Что ж, может, и правда есть дар у человека! Только никогда не надо забывать: это не заслуга, а именно дар – Божий. Который человеку не принадлежит. Который может и отняться. Знаю многих духовников, в смирении такой дар принимающих – и несущих тяжкий крест, к нему прилагаемый. Потому что приходят люди с действительно тяжкими недугами, душевными или телесными, и проблемами – мирскими или духовными. И некоторые пастыри честно с ними «возятся» – а некоторые, даже не зная человека, считают себя вправе сразу потребовать, чтобы он резко поменял свою жизнь. Например, побуждают вступать в брак с почти случайным лицом – или поступать в монастырь. А дальше окружение «старца» запугивает несчастную душу: послушание – духовная поги-

бель. Множество судеб было сломано таким образом. Недаром епископ Евтихий (Курочкин) однажды написал: «Умножившиеся в наше время «старцы» и «старицы» дают советы и наставления людям, не заставив их прочесть хотя бы Новый Завет от корки – до корки. <...> Таким образом непросвещенные Писанием ставят «старцев» и «стариц» превыше воскресших из мертвых! Ну разве не искусители и не бесы во плоти? Есть у этой темы и другая сторона: не ознакомившись с Христовым Новым Заветом (ради которого Бог воплотился), что ты ищешь «старческих» советов; ты же не в состоянии даже определить, согласен ли совет с Христовым учением? Ведь, если не согласен, такому совету принадлежит приставка «анти» – да, да, – получаете антихристов совет».

Дочитал «Исповедь бывшей послушницы». Женщину эту жалко, хотя и не совсем понятно, зачем она пошла в монастырь, практически не имея истинной веры, а главное, зачем ее туда отправили именно в таком полуверующем состоянии (хотя некоторые старцы и игумены все время так поступают, из-за чего мы и имеем массу проблем).

И возникает еще один вопрос: насколько все описанное вообще укладывается в каноническое Православие? Исповедь фактически подменена «откровением помыслов», пастырство – руководством со стороны игумении. <...> Но исповедь – главное таинство для духовного руководства. А здесь описано, как она принудительно формализована и даже за-

труднительна из-за создаваемых препятствий.

А на выходе получается что? Правильно, культ начальства в самом диком своем выражении, когда этот культ подменяет собой Христа. В случае начальства-женщины этот культ становится гипертрофированным, обрастает дикой подозрительностью, наущничеством, истериками от одного брошенного взгляда. Лояльность требуется стопроцентная, но и она не снимает подозрений. Нечто подобное сегодня насаждается и при Патриархе, хотя он и не женщина.

Может быть, правы те старцы? В такой культ надо набирать совершенно неверующих людей – потому что нормальный христианин всегда скажет, что в нем не так, и строго спросит именем Христовым с согрешающих.⁸

Иногда священник начинает навязывать себя в постоянные наставники. Как-то прочел в одном солидном церковном издании умиленный рассказ о богатом и влиятельном человеке, который впервые пришел в монастырь и услышал от наместника:

– А духовник у тебя есть? Нет? Значит, я им и буду.

В этом случае все сложилось более-менее хорошо. Но стоит ли пастырю, даже опытному, даже видящему человеческую душу, сразу брать на себя подобную ответственность? Многие священники, прежде чем взять кого-то в духовные

⁸ Из поста в «Фейсбуке», октябрь 2016 г.

чада, несколько раз откажутся...

Кстати, о людях богатых и власть имущих. Некоторые клирики стремятся духовно привязать к себе именно их. В принципе ничего дурного во внимании именно к таким людям нет – ведь через них можно положительно повлиять на большие коллективы, а то и на целые народы. Не случайно Христос долго беседовал с Никодимом – членом иудейского синедриона, а апостол Павел провел немалое время в доме римского центуриона Корнилия. Плохо бывает, когда пастырь начинает угождать сильным мира сего, прощая им то, чего никогда не простил бы простому человеку... Этим духовник вредит и делу проповеди, и Церкви, и самому «полезному человеку».

Украинский митрополит Александр (Драбинко), человек с неоднозначной известностью, со взглядами, многие из которых я категорически не разделяю, но одновременно с хорошим знанием церковных реалий, говорит: «Насколько готов священник «включать красный свет», когда речь идет о «вип-клиенте»? В какой ситуации оказывается здесь «вип-клиент»? Он в опасности! Светофор может его подвести. Показать вместо «красного» – «зеленый». И тем самым, простите, спровоцировать аварию... Выходит, что быть богатым в Церкви не так уже и выгодно. Тебя могут поставить на заметное место, сказать в твою честь речь, а в самом главном – духовной жизни – «обслужить» хуже самой последней бабушки».

Иногда, видя чрезмерную угодливость духовенства, люди при должностях и с деньгами стараются уехать подальше – кто в глухую деревню, а кто и на Афон. В принципе ничего в этом греховного нет – если только человек не лукавит, стремясь в места, где он никому не знаком. Ведь от себя и от Бога не уйдешь. Знаю некоторых бизнесменов и чиновников, которые посещают в Греции старцев «по прихоти» – один нужен, когда требуется благословить очередной развод, другой – когда надо одобрить очередной брак. Будто и не существует правил, предполагающих идти именно к местному епископу с вопросом о расторжении старого брака и о возможности заключения нового.

Не случайно после фильма «Остров» – фильма на самом деле очень хорошего и по-миссионерски нужного – начали звонить с телеканалов, просить: «Дайте нам поснимать старца – лучше гонимого, да где-нибудь в глуши, где нет официальной Церкви»...

Проще всего увлечься неким «единственным окном в небо», да еще и объяснить себе, что все остальное – это банальщина, официоз, «мелководье»... Вот только названия этому явлению очень простые – идолопоклонство и эзотеризм. Ни тому, ни другому в христианстве места быть не может. Любой, кто считает, что в одном храме причащаться лучше, чем в другом, – уже встал на опасный путь. А если старец стал «единственным», да еще все другие ока-

зались «не совсем православными» – мы имеем дело уже не с Церковью, а с сектой в буквальном смысле этого слова, то есть с отколовшейся, обособившейся частицей, пусть даже принадлежащей пока к церковному телу.⁹

Вообще христианин должен жить по преимуществу в одной церковной общине, в которой знают его жизнь, его грехи и добродетели, а потому могут дать наилучший совет. «Бегание» по разным духовникам и старцам – признак духовного нездоровья, а то и нечистой совести.

Впрочем, и постоянного духовника иногда люди подбирают под свои грехи – или под стремление к утрированному самобичеванию, часто не вполне искреннему. Бывает так, что священники этому потакают – проявляют на исповеди то излишнюю строгость, то угодливую мягкость. Второе, по-моему, сегодня встречается чаще.

Тайну исповеди не должны нарушать ни кающийся, ни священник (обобщения без упоминания конкретных лиц, впрочем, вполне возможны и распространены). Но если пастыри практически никогда не позволяют себе тайну нарушать, то у мирян это очень распространено. Один раб Божий рассказывал по всей Москве о священнике-«либерале»:

– Уж так на исповеди изоврется, уж так изтолерастится! Придумаешь что-нибудь, ну вот, хоть про скотоложество, так он тебе: ну ладно, бывает, это юношеский максимализм...

⁹ Из книги «Лоскутки-2», 2009 г.

Понятно, что настоящего авторитета это пастырю не добавляет – а уж «кающемуся» тем более. Люди все-таки ждут от исповеди настоящей строгости, настоящего покаяния, а не историй, придуманных ради прикола. Однако некоторые после таких рассказов потянутся именно к «мягчайшему» священнику – и лишь потом поймут, как сильно обманывались. Хорошо, если поймут раньше Страшного суда.

Многие клирики напрасно боятся говорить кающимся о том, какие бывают грехи. Да, их перечень, приводимый, например, в знаменитой «Афонской исповеди», может шокировать человека, который наивно считает грехом лишь несправедливое убийство, воровство в крупных масштабах, ну и еще иногда супружеские измены. А вот о том, что, например, гадания, чрезмерная ревность или маловерие – тоже грехи, человек может совершенно не задумываться.

Кроме испорченности современного человека, которая действительно мешает многим прийти в храм, есть и такая проблема. Подчас действительно верующие люди, особенно те, которые составляют церковный актив, работают в храме или что-то значат в приходе, относятся иногда с презрением, а иногда со страхом к тем, кто не поддерживает понятного, комфортного, привычного для большинства прихожан образа жизни.

Это молодые люди, которые могут быть одеты не так, это люди, которые задают иногда просто глупые вопро-

сы, которые могут звучать резко и оскорбительно для верующего человека. Это просто те, кто не бывают в храме постоянно, но все-таки испытывают тягу. Мне кажется, нужно провести некую грань между, с одной стороны, стремлением научить человека, как вести себя в храме, стремлением подсказать ему, что Бог с ним говорит не всегда приятными словами, и с другой стороны – отчуждением от нецерковных людей из-за их культуры, из-за их внешнего вида, из-за их иногда неприятных, неудобных, необычных слов.

Это на самом деле наши люди, они не зря пришли именно в православный храм. Они не зря в какой-то момент своей жизни приходят не только в ночной клуб, не только в пивнушку, не только на концерт, где исполняются некие развязные вещи, не только по улице болтаются – но приходят в храм. И вот, мне кажется, здесь должна быть очень тонкая грань между, с одной стороны, таким настороженно-брезгливым, боязливым отношением, а с другой стороны – тем, что иногда делали некоторые западные христианские общины, пытаясь как бы сказать человеку: делай что хочешь, расслабляйся в церковном здании, нам все равно, как ты живешь, мы готовы подстроиться под тебя, под твою культуру, под твои грехи, под твои иногда причудливые представления о Боге и о жизни – нам все равно, во что ты веришь и как ты живешь.

И первое, и второе, по-моему, довольно печальные вещи.

Нужно, с одной стороны, поговорить с человеком, напомнить ему, что Бог ждет всех и принимает всех. Но с другой стороны, напомнить ему и о том, что Бог при этом ждет от нас перемены. Он не наплевательски относится к нам, Ему не все равно, что мы делаем и как мы живем, Он ожидает от нас жизни по Своим заповедям.¹⁰

Между прочим, многие греховные поступки – например, аборт, – по каноническим правилам предполагают временное отлучение от причастия. В советское время эта мера почти не применялась. Но сегодня она восстанавливается – пусть даже священник обычно запрещает мирянину причащаться не на пять-десять лет, как положено по канонам, а на месяц-полгода или до ближайшего большого праздника (я обычно поступаю именно так). Все-таки человек должен знать: грех отделяет от общения с Богом. В таинстве Покаяния, то есть в исповеди, Господь любой грех прощает, но последствия его в жизни часто сохраняются. Чтобы их преодолеть, нужны покаяние, пост, усиленная молитва, добрые дела. И уже с их плодом можно будет подойти к причастию, помня грозные слова апостола Павла: «Кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши

¹⁰ Из эфира радиопрограммы «Время доверия» на «Русской службе новостей», декабрь 2012 г.

сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. От того многие из вас немощны и больны и немало умирает» (1 Кор. 11, 27-30).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.